

— Пфф, ты называешь это рисованием? Это было просто...

Тан Цюй долго не мог подобрать подходящего слова.

В глазах Гуань Яня читалась улыбка:

— Это было что?

— Это была просто похоть!

Гуань Янь не смог сдержать смеха:

— Дорогой, древние говорили, что сначала нужно насытиться, а потом уже предаваться похоти. Я ещё даже не насытился, как же я могу предаваться?

Почувствовав, как рука Гуань Яня на его талии начала опускаться ниже, Тан Цюй вздрогнул:

— Не говори мне всякую ерунду, ты же нарисовал такую картину!

— Дорогой, ты на съёмочной площадке оделся как женщина, и столько людей тебя видели. Что плохого в том, что я нарисовал картину?

Тан Цюй покраснел до ушей:

— Как... как ты узнал, что я оделся как женщину?

— Угадай.

Не нужно было гадать, это явно отправил режиссер Чжан. Хотя все узнают о его переодевании, когда фильм выйдет, но то, что Гуань Янь уже знает, вызывало в нём странное чувство.

— Даже если я оделся как женщина, это был приличный наряд. А что ты нарисовал?

Если бы он нарисовал кого-то рядом с ним, это было бы похоже на эротическую картину!

— Я просто нарисовал тебя таким, каким ты есть в моём сердце. Когда я увидел ту фотографию, в моей голове была только такая картина.

...

Он уже был готов, если бы Гуань Янь продолжил, он бы не отказался. Но этот мужчина сам остановился. Он уже был в таком состоянии, а Гуань Янь просто остановился!

Посмотрев на себя, Тан Цюй подумал, что он его раззадорил, а теперь бросил. Ну и мужчина!

Но затем он вспомнил, что Гуань Янь был в таком же состоянии, и его гнев утих.

Хм, этот шанс упущен, и второго может не быть.

В итоге они так ничего и не сделали.

За обедом Тан Цюй смотрел на Гуань Яня, который выглядел совершенно спокойным. Если бы он не заметил состояние нижней части тела Гуань Яня, он бы подумал, что тот действительно непоколебимый святой.

Днём Тан Цюй думал, что Гуань Янь останется дома.

Он почитает сценарий, а Гуань Янь займётся работой — всё идеально.

Но оказалось, что Гуань Янь собирался уйти.

Тан Цюй с недоумением смотрел на Гуань Яня, который приводил себя в порядок, и спросил:

— Ты уходишь?

— Да.

Гуань Янь всегда уделял внимание своей внешности, но сегодня он был особенно тщателен.

Или, точнее, людей, которые заслуживали такого отношения от Гуань Яня, было очень мало. Кого же он собирался встретить днём?

Очевидно, Гуань Янь не хотел ему говорить, и Тан Цюй не стал настаивать. Они были парой, но это не означало, что у них не должно быть личного пространства.

— Ужин я, возможно, не успею приготовить. Вечером я попрошу кого-нибудь принести тебе ужин. Если я вернусь поздно, постарайся лечь спать пораньше.

Тан Цюй нахмурился. Он собирается вернуться поздно? Он помнил, что у Гуань Яня в последнее время не было никаких мероприятий.

— Хорошо.

Когда Гуань Янь уходил, он подошёл к Тан Цюю, ущипнул его за щеку:

— Перед сном не забудь выпить молоко. Когда вернусь, проверю.

Тан Цюй скривился:

— Как ты узнаешь, выпил я его или нет?

Палец Гуань Яня скользнул по щеке Тан Цюя к его губам, и он слегка потер их большим пальцем:

— Я... попробую на вкус.

Краснея, Тан Цюй отстранился от Гуань Яня и отвернулся.

Услышав, как дверь открылась и закрылась, Тан Цюй посмотрел в сторону входа.

Затем он взял сценарий, положил его на балкон и собрался читать, но почувствовал, что чего-то не хватает. Взглянув на кофемашину, он повернулся и подогрел себе стакан молока.

Пить молоко заставляло его чувствовать, что Гуань Янь рядом.

Гуань Янь ушёл и вернулся только вечером.

Тан Цюй поужинал тем, что ему принесли, но в душе оставалась пустота.

Когда пришло время ложиться спать, Гуань Янь всё ещё не вернулся.

Завтра начинались съёмки нового фильма, и сегодня он не мог засиживаться допоздна, поэтому пошёл спать.

Он не знал, когда Гуань Янь вернулся.

Утром, проснувшись, он увидел, что Гуань Янь уже лежит рядом с ним.

Тан Цюй встал, чтобы пойти умыться, но только сел, как Гуань Янь снова потянул его к себе.

— Почему так рано? — Рука Гуань Яня медленно скользила по спине Тан Цюя.

— Сегодня начало съёмок нового фильма. Ты думаешь, все могут позволить себе снимать только два фильма в год, как ты?

Гуань Янь усмехнулся:

— Бедняжка.

Почему-то эти слова вызвали у Тан Цюя странное чувство.

— Не щипи мою талию, мне нужно вставать.

— Не спеши, я тебя отвезу.

— Не хочу.

— Не отказывайся, спи.

И под давлением Гуань Яня Тан Цюй снова уснул.

Когда он проснулся, то уже был в машине Гуань Яня.

— Проснулся? Завтрак в коробке рядом, поешь немного.

Тан Цюй взял коробку:

— Почему ты меня не разбудил?

— Не хотелось. — Любовные речи Киноимператора были бесконечны.

На самом деле Тан Цюй не привык спать допоздна, но здесь ритм жизни был медленнее, и он расслабился.

Тан Цюй ел завтрак и думал, как хорошо ездить на роскошной машине, где даже не чувствуется тряска.

Закончив завтрак, они прибыли в киногородок.

— Разве вы не снимаете в закрытом режиме? Почему вы здесь?

— Режиссер Чжан сказал, что сначала снимет несколько сцен здесь, а через пару дней мы поедem на съёмки в другое место.

Тан Цюй собрал вещи и вышел из машины.

— Ты не зайдёшь посмотреть?

Гуань Янь покачал головой. Его присутствие могло создать проблемы для Тан Цюя.

Тан Цюй не стал настаивать.

Через некоторое время он получил сообщение.

[Янь-гэ]: [Долг верни вечером.]

[Что я тебе должен?]

[Янь-гэ]: [Сам подумай.]

Тан Цюй всё ещё не понимал.

Встретив Чжан Юна и остальных, он убрал телефон и перестал переписываться с Гуань Янем.

— Юн-гэ.

— Пойдём, сегодня утром будет небольшая церемония открытия, затем две сцены, а после обеда — четыре. Режиссер Чжан сказал, что времени мало, а работы много. Ты хорошо выспался?

Чжан Юн рассказал Тан Цюю о планах на день и поинтересовался его самочувствием.

Съёмочная группа была почти готова.

На церемонию открытия пришло много актёров.

Тан Цюй, режиссер Чжан и Ци Цзэ стояли в центре.

Фильм «Брат» официально начал съёмки!

Первая сцена, которую снимал Тан Цюй, была сцена, где его персонаж, бармен, подвергался домогательствам со стороны клиента, и его спасал персонаж Ци Цзэ.

Декорации были готовы.

Тан Цюй смотрел на разноцветные напитки перед собой, слегка улыбнувшись. Как давно он не видел таких вещей.

Но для окружающих он выглядел так, будто не знал, что делать.

Режиссер Чжан и Ци Цзэ подошли к нему.

— Цюй, не волнуйся, просто налей немного, а потом мы снимем дополнительные кадры.

В конце концов, Тан Цюй был актёром, а не профессиональным барменом или каскадёром, и не нужно было требовать от него слишком многого.

К тому же девятнадцатилетний парень, с его милой внешностью, вероятно, даже не бывал в барах. Играть бармена для него было сложно.

Но когда начались съёмки, режиссер Чжан и Ци Цзэ поняли, что их беспокойство было

напрасным.

Режиссер дал сигнал начать, и тонкие пальцы Тан Цюя легко скользнули по бокалам, поразив всех присутствующих.

Мальчик, который только что выглядел как милый ребёнок, теперь играл с напитками, как настоящий профессионал.

Движения были плавными, как вода, и он не уступал профессионалам.

— Ваш «Лонг Айленд».

Он подал коктейль клиенту.

Тот уже был очарован этим мастерством и даже начал думать о чём-то неприличном.

— Подойди, выпьем вместе, — его взгляд скользнул по телу мальчика, оценивая.

Эта талия наверняка была бы хороша в постели.

Мальчик улыбался, но в его глазах не было тепла.

Как такой мусор может существовать в этом мире?

Он уже собирался что-то сказать, когда...

— Мистер Хуан, кажется, вы ведёте себя не очень прилично в моём заведении по отношению к моему сотруднику.

Человек в чёрной футболке и джинсах, очень обычной одежде — это был персонаж Ци Цзэ, Шэнь Ли.

Лицо неприятного мужчины резко изменилось.

— Господин Шэнь, я не имел в виду ничего плохого, это недоразумение.

— Недоразумение? — Шэнь Ли посмотрел на мальчика. — Ань Ян, скажи, это недоразумение?

Ань Ян оставался спокойным:

— Возможно, этот джентльмен просто пошутил.

Шэнь Ли поднял бровь, глядя на Ань Яна. Почему он такой трусливый? Или, может, я испортил его планы?

В душе Шэнь Ли появилось презрение. Оказывается, это просто тот, кто хочет залезть в чужую постель. Как такого вообще взяли на работу?